

НАДЕЖНОСТЬ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВ, ТРУДНОСТИ СЕМЕЙНЫХ ФЕРМ И СЛАБОСТЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРОТЕСТА В РОССИИ. Резюме

Оане Виссер

В данной статье рассматривается реформирование сельского хозяйства в посткоммунистической России и анализируется, почему оно не вызвало роста протестной активности среди местных жителей в сравнении с сельскими жителями Аргентины, оказавшимися в сходном положении в результате аналогичных реформ (см. статью Карины Бидасеки в этом номере).

Интересно провести сравнение между Россией и остальными посткоммунистическими странами, с одной стороны, и Латинской Америкой — с другой. Истории земледельчества в них сильно различаются: в Латинской Америке государственное вмешательство было более ограничено и менее продолжительно, чем в СССР за 70 лет коммунизма с сопутствовавшей ему коллективизацией. В Латинской Америке zenитом государственного вмешательства в жизнь села стали 1970-е годы: тогда получили распространение коллективные и общественные кредиты. Но при этом производство в основном оставалось в частных руках. Тем не менее приватизацию в странах бывшего СССР и Восточной Европе можно рассматривать как очередной этап неолиберальных реформ, проводившихся и в Латинской Америке, Азии и Африке в 1980–1990-х годах.

Приватизация на постсоветском пространстве уникальна по масштабам и скорости, и все же она была частью большого неолиберального проекта, который существенно повлиял и на Латинскую Америку и включал в себя либерализацию торговли и снижение (или постепенную ликвидацию) гарантированных цен и дешевых кредитов, а также ужесточение политики социального обеспечения. В принципе поощряя индивидуальное предпринимательство, эта политика благоприятствовала крупному агропромышленному производству в ущерб малым производителям. В России после недолгого периода интереса к развитию частных семейных ферм в начале 1990-х годов этот сегмент рынка пришел в застойное состояние и дает относительно незначительный прирост производства. Более того, фермерские предприятия — бывшие колхозы и совхозы — все более сосредоточиваются в руках сельской (и даже городской) элиты, что превращает сель-

ских жителей, только недавно (в 1990-х годах) ставших землевладельцами, в почти безземельных сельскохозяйственных рабочих.

Многие наемные рабочие вложили свои паи в предприятия почти за бесценок, теряя, таким образом, право на собственность и годовой доход, который получали бы, сдавая собственность в аренду. К концу 1990-х около половины всех паев, выданных рабочим, использовалась сельскохозяйственными предприятиями для инвестирования без законных договоренностей с их обладателями.

В Ростове я посетил сельскохозяйственное предприятие, управляющий которого скупал доли у рабочих, заявляя, что «многие рабочие придерживают свои паи как память о прошлом». Такое представление о мотивах поведения рабочих (как консервативных) не учитывает их реальные интересы во владении долями, а также неравенство между рабочими и администраторами ферм (или внешними вкладчиками) в отношении знания закона, особенно в случаях, когда закон нарушается.

Накопление земли в руках сельской элиты практически не вызывает сколь угодно организованных форм протеста. Возникает вопрос: почему в России нет крестьянского движения (возможно, вместе с другими заинтересованными группами)?

В поисках ответа автор статьи рассматривает юридические, экономические и социально-культурные препятствия к расширению частных семейных ферм, а также формы накопления земли и сопутствующих ресурсов у элиты, противопоставляя этому накоплению отсутствие земли у крестьян. Статья базируется на исследованиях, проведенных в Псковской, Ростовской и Московской областях с использованием опросов и этнографического наблюдения.

В России, как и в Аргентине, элита накапливала землю и активы в результате неолиберальных реформ. Накопление сельскохозяйственной собственности встречается во всем мире, но масштаб этого накопления в России (и Украине), а также в Аргентине (и Бразилии) выделяется на фоне других стран; встречаются случаи, когда один владелец обладает более 150 000 гектаров. В России концентрация сельскохозяйственной собственности в руках небольшой группы холдинговых компаний достигает еще больших масштабов, чем в Аргентине: небольшое количество российских холдингов обрабатывает по полмиллиона гектаров, а порой и больше.

Многие западные советники предполагали, что частная собственность усилит полномочия сельского населения и будет способствовать появлению гражданского общества, но, как представляется, ситуация обратная. Эгалитарная система собственности не может действовать без появления гражданского общества, но в России протесты сельского населения незначительны, по сравнению, например, с Аргентиной.

Фактически ни одна отдельно взятая группа в России не может оказывать давление на государство в защиту прав сельского населения. Существует единая всероссийская Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов (АККОР), которая включает в себя 68 региональных крестьянских союзов и ассоциаций. Она была основана в 1990 году с началом

приватизации, но утратила большую часть поддержки среди фермеров в середине 1990-х годов, когда государственные субсидии (которые распределялись через АККОР) прекратились и появление новых частных семейных ферм практически приостановилось.

АККОР лоббирует правительство в пользу фермеров и сотрудничает с Министерством сельского хозяйства. Эта ассоциация спроектировала, например, государственную программу поддержки частных ферм на 2009–2011 годы. Представляется, что столь тесное сотрудничество с властями не допускает активных форм протеста, таких как демонстрации. Защита земельных прав частных ферм (а тем более фермерских рабочих) не составляет главную цель деятельности ассоциации.

Второе движение, Крестьянский фронт, было учреждено в 2003 году и в настоящее время не оказывает серьезного влияния на сельскохозяйственную политику. В движении числятся более 15 000 членов в двадцати регионах, но оно не стремится представлять не только частных фермеров, но и непосредственно работников их ферм и иных мелких землевладельцев. Принимая во внимание, что у более 17 миллионов граждан есть сельские приусадебные, а у миллионов городских жителей — дачные участки, участие заинтересованных лиц в работе Крестьянского фронта составляет ничтожный процент. В отличие от АККОРа, важной деятельностью фронта является решение проблем земельных прав через петиции и демонстрации. Однако штат фронта ограничен, и организация еще не добилась встречи с президентом России.

Таким образом, АККОР в значительной степени сосредоточен на сотрудничестве с государством и его поддержка среди фермеров уменьшается, тогда как Крестьянскому фронту, более склонному к конфронтации, еще предстоит долгий путь, прежде чем он сможет получить статус влиятельного всероссийского движения, способного достигать намеченных целей.

Так почему же в России не существует мощного крестьянского движения?

Первым важным фактором является советская традиция слабых и неуверенных в своих целях профсоюзов и подавления любой инициативы снизу (на что указывают в том числе работы Доротей Боле и Белы Гресковича о рабочих движениях в Восточной Европе). К этому следует добавить наследие 70 лет коммунизма и отсутствие опыта протестов, особенно в сельской России. К тому же в 2000-х годах крестьянское движение (как, впрочем, и другие движения) столкнулось с тем фактом, что средства массовой информации (в основном подконтрольные государству) почти не упоминают протесты или представляют их в негативном ключе, что, конечно, затрудняет привлечение в ряды протестующих новых участников.

Однако при объяснении слабой протестной мобилизации в сельской России — значительно уступающей той, что наблюдается в городах, — должны быть учтены и иные факторы. В своем исследовании «Протест и политика обвинения» Дебра Джавелин показывает, что сельские работники протестовали против задолженности по заработной плате много реже, чем городские рабочие. Этот факт вряд ли объясним только низким уровнем образования и дохода в сельских районах.

Фактическое отсутствие протеста со стороны частных фермеров объяснимо и малым числом самих фермеров, из-за чего им трудно привлечь к своим проблемам значительное внимание. Как указывалось выше, изначально массовое членство АККОРа уменьшилось с понижением государственных субсидий с середины 1990-х годов. Память о насильственной коллективизации настраивает фермеров скептически к любым коллективным действиям. Большинство фермеров, с которыми мне пришлось беседовать, не состоят в каких-либо ассоциациях. Другой вывод из взятых мною интервью состоит в том, что сотрудничество, как правило, построено на индивидуальных обменах от случая к случаю и редко подразумевает взаимодействие большого числа фермеров.

К тому же демографическая ситуация в сельских районах не поощряет мобилизацию местных жителей (фермеров или владельцев приусадебных участков). Поскольку молодежь уезжает в города, в сельских районах остается преимущественно пожилое население, которое не может составить членскую базу (не говоря уже о руководстве) крестьянских движений (понятно, что большинство членов движения обычно представляют люди молодого и среднего возрастов). В Латинской Америке тоже наблюдается переселение молодежи из сельских областей, но в России из-за исключительно низкой рождаемости эта миграция сильнее влияет на демографический состав сельских районов.

Наконец, если рассмотреть владельцев приусадебных участков (а они составляют большинство сельского населения), можно сделать вывод о том, что их отношения с сельскохозяйственными предприятиями и социальная роль последних и объясняют феномен слабого сопротивления российского сельского населения по сравнению с аналогичными протестами в Аргентине и всей Латинской Америке. Приусадебные участки создали систему социальной защиты, которая оберегла население от дефицита продовольственных продуктов и крайней нищеты, особенно во время глубокого кризиса 1990-х годов. Эти участки стали защитой от потери заработка, представляя собой альтернативу скудным зарплатам на фермерских предприятиях. В то же время самое существование участков препятствует появлению форм коллективного протеста. Руководитель фермы, проинтервьюированный в Ростовской области, объяснил реакцию сельского населения на негативные последствия рыночных реформ так: «Во Франции фермеры выходят протестовать на улицы, а в России сельские жители сидят тихо, потому что всегда могут прожить за счет приусадебных участков». Даже работники ферм, теряя работу, могут возделывать свой участок земли, пусть ценой малопродуктивного тяжелого труда и низкого уровня существования.

Кроме того, обеспечить сельскохозяйственными ресурсами владельцев приусадебных участков могут только руководители сельскохозяйственных предприятий. Предоставление ресурсов и обеспечение социальной поддержки часто носят неформальный характер и целиком зависят от переговоров с руководителями. Понятно, что такие патерналистские отношения препятствуют возникновению протестных настроений среди нищих сельских жителей и тем более масштабной мобилизации и вступлению в международные движения (см. также совместное заключение Виссера и Бидасеки в этом номере).

Сельские жители России разработали собственную стратегию тайной мелкой кражи с полей и складов сельскохозяйственных предприятий, научились извлекать выгоду из работы на этих предприятиях. В каком-то смысле эти стратегии можно рассматривать как формы скрытого протеста (Джеймс Скотт писал об этом в книге «Оружие слабых», говоря об азиатских крестьянах. Александр Никулин недавно обратился к той же теме на российском материале.) Однако такие полузаконные или совсем незаконные стратегии (когда человек крадет на своем предприятии или старается уклониться от работы) приносят убыток всему коллективу (во всяком случае там, где рабочие владеют акциями предприятия). Таким образом, эти стратегии способствуют повышению взаимного недоверия, затрудняя масштабные коллективные действия и протесты.

Наследие советских имущественных отношений и сельского общественного устройства (особенно симбиоз приусадебных участков и сельскохозяйственных предприятий, а также особая социальная роль последних) позволило крестьянам перенести удары переходного периода. Однако это наследие является одним из факторов, препятствующих мобилизации сельского населения в борьбе с элитой и выдвижению требований большей государственной поддержки приусадебных участков и частных семейных ферм.

Перевод с английского Ксении Черкаевой под редакцией Михаила Габовича